

РАЗВОД

с предателем

НЕИЗБЕЖЕН!

Даже в 55...

DARK COLT

Dark Colt

Развод с предателем неизбежен! Даже в 55...

<https://litres.ru/74265443>

SelfPub; 2026

Аннотация

— В пятьдесят пять уже поздно начинать новую жизнь. Кому ты будешь нужна, Лида?..

Так сказал мой муж

А я была уверена, что моя жизнь удалась: тридцать три года брака, взрослая дочь, внуки и дом, который мы строили для счастливой старости. Пока однажды не открыла книгу, в которой узнала голос своей мамы. Воспоминания, которых никто посторонний знать не мог.

В тот день я поняла, что можно пережить измену. Гораздо страшнее узнать, что человек, которому доверяла всю жизнь, предал самое дорогое, что осталось от мамы.

Но если в пятьдесят пять можно потерять всё может быть, ещё не поздно начать сначала?

Содержание

Пролог	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Dark Colt

Развод с предателем неизбежен! Даже в 55...

Пролог

Тридцать три года брака учат одному удивительному чувству — спокойствию.

Ты больше не ждёшь признаний в любви. Не считаешь, кто первым написал сообщение. Не ревнуешь к каждой улыбке. Просто живёшь с человеком и однажды начинаешь верить, что он останется рядом до самого конца.

Именно поэтому предательство почти никогда не приходит громко.

Оно приходит в самый обычный день.

В тот день я собиралась на литературный фестиваль, и ещё не знала, что домой вернётся уже другая женщина.

Я прихожу в областной Дом культуры раньше начала церемонии. Сегодня здесь проходит литературный фестиваль. Меня пригласили, как директора областной библиотеки.

В зале шумно. Люди обнимаются, смеются, поздравляют друг друга, обсуждают книги, новые издания и гранты.

Я занимаю место в четвёртом ряду.

Через несколько минут ведущий объявляет последнюю победительницу.

— Нина Рудина!

Аплодисменты накрывают зал. Нина выходит на сцену. Я почти не слушаю её речь.

Я даже умудряюсь улыбнуться.

Теперь кажется странным, что человек способен улыбаться всего за несколько минут до того, как его жизнь расколется надвое.

Церемония заканчивается.

Люди поднимаются со своих мест.

Я тоже встаю, и почти сразу слышу знакомый смех. Такой тихий и немного хриплый.

Так Сергей смеётся только тогда, когда ему действительно хорошо.

Я поворачиваю голову.

Он стоит возле стола для прессы.

На нём тот самый тёмно-синий пиджак, который утром я сама достала ему из шкафа.

— Возьми этот, — сказала я за завтраком. — Серый тебе уже тесен.

— Спасибо.

Он поцеловал меня в висок.

— Сегодня встреча с поставщиками. Вернусь пораньше.

Я поверила.

Потому что за тридцать три года брака перестаёшь проверять человека, которого любишь.

Теперь мой муж стоит на литературном фестивале, о котором не сказал мне ни слова.

Рядом с ним — Нина Рудина. Она что-то говорит журналистам. А он терпеливо и спокойно ждёт. Как человек, который знает, что его обязательно дождутся. Когда букет начинает сползать вниз, Сергей поправляет упаковку. Потом берёт бутылку воды, откручивает крышку и протягивает Нине.

Она принимает её, даже не взглянув. Делает несколько глотков и возвращает обратно. Он машинально закручивает крышку и ставит бутылку рядом.

Никто вокруг этого не замечает.

Наверное, потому что со стороны это кажется пустяком.

Я тоже когда-то возвращала бутылку именно так.

Не глядя.

Потому что знала, что он закрутит крышку. Он всегда это делал.

Когда Нина заканчивает интервью, она поворачивается к Сергею и мило улыбается.

И я вдруг понимаю, что уже видела эту улыбку.

Она не для журналистов.

Не для фотографов.

Не для зрителей.

Таковыми улыбками улыбаются только дома. Людям, рядом с которыми давно перестаёшь быть настороже.

Сергей отвечает ей такой же улыбкой.

Той самой.

Когда-то он смотрел так только на меня.

Я ещё пытаюсь придумать объяснение.

Совместный проект. Давняя дружба. Работа, наконец.

Что угодно.

Лишь бы не то, о чём уже начинает догадываться сердце.

И тут Сергей замечает меня.

Он делает шаг ко мне, совсем маленький. Такой, который человек делает раньше, чем успевает подумать.

А потом... останавливается.

И сначала смотрит на Нину. Только потом снова переводит взгляд на меня.

Всего одна секунда.

Может быть, даже меньше.

Но иногда одной секунды достаточно, чтобы понять, кого человек выбирает первым.

Я чувствую, как внутри становится тихо.

Не больно.

Не страшно.

Именно тихо.

Будто во мне закрылась последняя дверь.

Сергей быстро что-то говорит Нине и идёт ко мне. Наверное, собирается всё объяснить. Но я уже почти не слышу собственных мыслей. Потому что ответ получила ещё до того, как он сделал первый шаг.

Он остановился.

Не потому, что испугался.

А потому, что сначала подумал о ней.

— Лида... — взволнованно произносит Сергей подходя ближе.

Я смотрю ему в глаза, и впервые за тридцать три года мне страшно услышать то, что он сейчас скажет...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иногда кажется, что развод — это конец.

Конец любви. Конец семьи. Конец привычной жизни. Особенно если за плечами не пять и не десять лет, а десятилетия, прожитые рядом с человеком, которому доверяла больше всего.

Но жизнь устроена иначе.

Иногда именно предательство становится той чертой, за которой женщина впервые начинает жить не ради чужих ожиданий, а ради себя.

Эта серия — не о мести бывшим мужьям. Не о том, как унижить соперницу. И не о чудесном спасении прекрасным принцем.

Это истории женщин, которые однажды потеряли почву под ногами, но нашли в себе силы подняться.

Истории о том, что в сорок, пятьдесят или даже шестьдесят жизнь не заканчивается.

Можно вернуть уважение к себе.

Можно снова почувствовать радость.

Можно обрести любовь, прежде всего к себе, а иногда и к человеку, который никогда не попросит предать себя ради отношений.

Если сейчас вам кажется, что всё разрушено, пусть эти

истории станут напоминанием:

развод — это не конец.

Иногда это только начало.

Глава 1

За пару часов до этого...

На литературные фестивали я давно перестала ездить ради красивых речей. За двадцать лет работы директором областной библиотеки они стали частью профессии. Новые издательства. Новые книги. Встречи с авторами. Закупки для районных библиотек.

Обычная рабочая поездка.

Поэтому книгу мне протягивают почти сразу у входа.

— Победитель в номинации «Культурное наследие региона», — сообщает девушка с бейджем организатора. — Сегодня будет награждение автора. Вам положен экземпляр как представителю областной библиотеки.

— Спасибо.

Я беру книгу, пропускаю вперёд группу шумных студентов и отхожу к окну.

До начала круглого стола остаётся минут пятнадцать. Этого вполне хватает, чтобы пролистать победителя. Книга издана на вид очень дорого. Тяжёлая, в матовой обложке, с тиснённым названием:

«Дом, в котором ждут. Семейные рецепты и истории Нины Рудиной».

На фотографии — деревянный стол, садовые яблоки, ста-

рый медный таз и женские руки, раскатывающие тесто.

Я машинально проверяю выходные данные, качество бумаги, вёрстку. Отличная работа, сразу видно. Такие книги приятно держать в руках и легко рекомендовать читателям. Региональным изданиям редко удаётся избежать либо дешёвой самодеятельности, либо нарочитой музейной тяжеловесности. Здесь всё выглядит современно и тепло.

Открываю книгу наугад и читаю:

«Тесто не любит сердитых рук. Если пришла на кухню со злостью, сначала вымой чашки, потом берись за пироги».

Недоумённо моргаю и перечитываю.

За стеклом медленно оседает мелкий дождь. По лестнице поднимаются гости, кто-то громко здоровается, стучат каблуки, хлопают двери. А я провожу пальцем под строкой...

Так говорила мама.

Не совсем так...

Нет!

Именно так.

Сначала вымой чашки.

Не посиди, не успокойся, не выпей воды.

Вымой чашки.

Мама считала, что тёплая вода и простое дело лучше любых уговоров приводят человека в чувство.

Я едва заметно улыбаюсь.

Наверное, старая поговорка, или местный обычай. Мать Нины и моя мама, скорее всего, примерно одного поколения.

Семейные кухонные правила нередко повторяются, переходят из дома в дом, меняются, одним словом.

Я перелистываю страницу.

Там фотографии печёных яблок, варенья из крыжовника, постных булочек с маком. Под каждой имеется небольшая история. Не просто рецепт, а воспоминание: кто готовил, к какому празднику, что говорили детям, чего боялись, кого ждали с войны.

Я отмечаю про себя удачный принцип.

Такие книги охотно берут пожилые читательницы, но и молодым они интересны, не как руководство по приготовлению еды, а как способ прикоснуться к жизни, которой уже нет.

Нахожу страницу с яблочным повидлом.

«Повидло нельзя торопить. Оно сначала спорит с огнём, потом устаёт и становится тихим. Если на дне запыхтело сердито, значит снимай. Поздно спорить».

Я перестаю улыбаться. Воспоминание вспыхивает в голове непрошено, как мама стучит деревянной ложкой о край таза и говорит:

— *Запыхтело сердито, значит снимай. Поздно спорить.*

В детстве я думала, что повидло действительно может рассердиться. Стояла на табурете у плиты и прислушивалась, пытаюсь различить в густом бульканье человеческий голос.

Эту фразу могла придумать не только мама.

Разумеется, могла.

Я закрываю книгу, но через секунду снова открываю. Теперь уже не наугад. Смотрю содержание. «Домашний хлеб», «Пироги», «Варенья и соленья», «Праздничный стол», «То, что рассказывали на кухне».

Последний раздел начинается почти в самом конце. Я быстро нахожу нужную страницу.

«Когда приходила гроза, бабушка ставила на подоконник чашку молока. Говорила, что гром сердится только потому, что его никто не угощает. Молоко потом отдавали кошке, но до окончания грозы трогать чашку детям не разрешалось».

Шум вокруг будто становится тише в этот момент. Я чувствую, как моего локтя касается холодное оконное стекло. Ноги перестают держать, и я облокотилась, чтобы удержаться.

Нет.

Чашку ставила не бабушка, её ставила мама.

Мне тогда было пять лет. Летом молния ударила в старую липу за соседским огородом. Я так испугалась, что залезла под стол. Мама принесла кружку с молоком, поставила её на подоконник и сказала, что гром просто голодный. Потом она записала эту историю в тетрадь. На полях, рядом с рецептом постных жаворонков.

Я хорошо помню ту страницу. Внизу осталось круглое пятно от чая. Слово «молоко» мама сначала написала с ошибкой, а потом аккуратно исправила синей ручкой.

В книге Нины никакой ошибки нет.

Я поднимаю голову. Люди продолжают заходить в зал. На площадке напротив устанавливают камеру. Две женщины спорят, успеют ли попасть на встречу с московским писателем. Мужчина с папкой программ просит кого-то срочно найти ведущего. А я снова смотрю на страницу.

Может быть, мама действительно рассказывала эту историю соседям.

Может быть, её слышали родственники.

Может быть...

Нет!

Не может!

Даже если так, это ничего не объясняет.

Я перелистываю ещё несколько страниц. Нахожу пирог с сушёной черёмухой, вижу, под фотографией стоит абзац:

«Первый кусок у нас никогда не отдавали гостю. Хозяйка отрезала тонкую полоску и оставляла на блюде у печи. Дому тоже надо знать, чем пахнет праздник».

И тут у меня холодеют пальцы.

Дому тоже надо знать, чем пахнет праздник...

Так говорила бабушка Соня.

Никто другой.

Мама записывала эти слова в тетрадь и приписывала рядом: «Мама всегда оставляла первый кусок. Даже когда печи уже не было, ставила блюдо возле плиты».

Я закрываю книгу.

Несколько секунд держу её обеими руками, будто тяжё-

лая обложка способна удержать внутри то, что уже вырвалось наружу.

Совпадений становится слишком много.

Или...

Это уже вовсе не совпадения.

Отхожу от окна, нахожу свободное кресло у стены и сажусь.

Надо успокоиться.

Не гадать.

Проверить.

Я снова открываю книгу и начинаю читать раздел с самого начала, не пропуская ни одного абзаца. Через несколько страниц сердце начинает биться чаще. Мамины слова. Снова, и снова. Не всегда дословно, где-то короче, где-то словно специально приглажены, но я всё равно узнаю их. По интонации, по этим странным сравнениям, по тому, как мама умела из какой-нибудь кухонной мелочи вдруг сказать что-то о человеке.

«Чужая жалость в кармане дырку найдёт».

«Счастливый человек хлеб режет толще».

«Если гостя не ждали, поставь на стол лучшее, а досаду оставь под скатертью».

Мама никогда не считала себя писательницей. Всю жизнь проработала бухгалтером. Не любила выступать перед людьми, и всегда смущалась, когда я начинала хвалить её записи. Тетрадь появилась ещё в молодости, сначала там

были только рецепты, потом рядом с ними стали появляться семейные истории, присловья, сны, памятные даты, имена родственников. А в конце воспоминаний стало уже больше, чем рецептов. После маминой смерти тетрадь осталась у меня. Я завернула её в белую хлопчатую ткань и положила в нижний ящик секретера. Рядом лежат старые письма, бабушкина брошь и две фотографии, которые мама так и не захотела вклеивать в семейный альбом.

Тетрадь никогда не покидала квартиру. По крайней мере...

Я всегда была в этом уверена.

Я быстро перелистываю книгу до конца.

«Источники».

Всего одна строка.

«Устные семейные воспоминания автора, материалы частных архивов, записи жителей области».

Ни Корнеевых, ни Даниловых, ни тем более имени мамы тоже нет. Я снова возвращаюсь к началу.

Нет-нет-нет.

Мне сейчас нужны не догадки. Мне нужно понять. Я всегда так работаю. Если в библиотеке обнаруживается ошибка, пропадает документ или начинается путаница с каталогом, я сначала восстанавливаю всё по порядку: дата, источник, кто видел, кто брал, у кого был доступ.

К тетради доступ был только у троих. У меня, у Сергея, и у нашей дочери Кати.

Екатерина живёт в Москве, приезжает дважды в год, с Ниной Рудиной не знакома и о книге, скорее всего, даже не слышала.

Сергей...

Я останавливаюсь.

Нет...

Я не собираюсь обвинять собственного мужа только потому, что других имён не осталось.

Да, у него есть ключ от секретера, запасной. Он всегда лежит вместе с ключами от дачи и почтового ящика. Но Сергей никогда не открывал мои ящики без спроса.

Никогда.

Во всяком случае... я так думала.

Глава 2

— Лидия Георгиевна?

Чужой голос выдёргивает меня из мыслей. Я поспешно захлопываю книгу и поднимаю взгляд. Передо мной стоит молодая женщина с короткой стрижкой и папкой участника.

— Простите. Вы из областной библиотеки?

— Да.

— Мы с вами переписывались по поводу проекта для подростков. Я Елена Тарасова, издательство «Меридиан».

Я узнаю имя и заставляю себя сосредоточиться.

— Конечно. Добрый день.

Мы обмениваемся несколькими фразами. Елена рассказывает о серии документальной прозы, предлагает прислать презентацию, спрашивает, можно ли организовать встречу с читателями. Я отвечаю коротко и по делу, записываю телефон, обещаю передать информацию заведующей молодёжным отделом.

Книга Нины всё это время лежит у меня на коленях.

— Вы уже посмотрели победителя? — спрашивает Елена.

— Очень сильный проект. И сделано прекрасно.

— Да, — неловко улыбаюсь в ответ.

— Там удивительные истории. Такие личные, но читаешь, и будто про собственную семью.

Я поднимаю на неё изумленный взгляд:

— Вам известно, откуда Нина Рудина брала материалы?

— Кажется, собирала несколько лет. У неё же хозяйство, к ней много людей приезжает. Плюс какие-то старые семейные записи. Сергей Павлович ей очень помог.

Я чувствую, как внутри всё на мгновение замирает.

— Какой Сергей Павлович?

Вопрос звучит спокойно, Елена ничего не замечает.

— Данилов. Руководитель издательского холдинга. Их типография печатала книгу. Он, кажется, вообще был одним из инициаторов проекта. Но Нина Андреевна сама лучше расскажет. Сейчас награждение начнётся.

Она прощается и спешит к залу, а я остаюсь сидеть и снова погружаюсь в раздумья.

Сергей Павлович Данилов.

Нет-нет.

Только не Сергей.

Сергей Павлович — распространённое имя. Оно может принадлежать другому человеку.

Может, но...

Но издательско-полиграфический холдинг в области один. И его генеральный директор — мой муж. Сергей никогда не говорил, что работает над книгой Нины Рудиной.

Я знаю о крупных заказах типографии. Учебники. Краеведческие альбомы. Каталоги выставок. Юбилейные издания предприятий. Иногда Сергей приносит домой сигналь-

ный экземпляр и спрашивает моё мнение.

О книге Нины он не упоминал.

Ни разу.

Я переворачиваю книгу обложкой вниз и несколько секунд просто смотрю в одну точку.

Нет.

Этого не может быть.

Сергей никогда не интересовался мамиными записями.

Когда она была жива, он даже подшучивал над её привычкой всё записывать. Говорил, что скоро для каждого пирога придётся заводить отдельную папку. А после её смерти он ни разу не просил показать тетрадь. Во всяком случае, при мне.

Я пытаюсь вспомнить, когда в последний раз доставала её из секретера.

На Пасху.

Да... кажется, на Пасху.

Катя попросила испечь бабушкины куличи, и я искала тот самый рецепт с пометками на полях. Потом аккуратно завернула тетрадь в белую ткань, положила обратно в нижний ящик и закрыла секретер.

С тех пор... больше ни прикасалась к ней.

Я закрываю глаза.

Этого недостаточно. Ключ ещё ничего не доказывает. Он мог ни разу им не воспользоваться. Мог вообще забыть, что он существует. Я слишком хорошо знаю, к чему приводят

поспешные выводы. В библиотеке мы никогда не списываем книгу только потому, что её не нашли на полке. Сначала проверяем каталоги, потом фонд, потом акты выдачи. И только, когда исчезают все разумные объяснения, признаём очевидное.

Я медленно провожу ладонью по обложке.

Разумные объяснения пока ещё есть. И я обязана найти хотя бы одно.

Со сцены доносится просьба занимать места. Кто-то проходит совсем рядом, случайно задевая моё плечо. Я поднимаю голову, в фойе становится заметно тише. Гости один за другим направляются в зал.

Я крепче прижимаю книгу к груди, смотрю на часы, до начала награждения остаётся несколько минут.

Я могу сейчас уйти.

Поехать домой.

Открыть секретер.

Позвонить Сергею.

Но я приехала сюда, как директор областной библиотеки. Моё имя стоит в списке гостей. Организаторы рассчитывают на профессиональные контакты. Да и мой уход ничего не изменит.

Книга уже существует.

Мамины слова уже напечатаны.

А Сергей Павлович помог им там оказаться...

Я встаю и иду в зал.

Перед сценой почти не остаётся свободных мест. Я сажусь с краю, в четвёртом ряду, положив книгу на колени. Ведущий говорит о значении региональной литературы, о сохранении традиций и связи поколений. Каждое слово кажется неуместно красивым. На сцену вызывают победителей. Молодой поэт нервно шутит. Автор исторического романа благодарит архивистов. Детская писательница плачет, когда ей вручают диплом. Нину Рудину объявляют последней.

Она поднимается на сцену под долгие аплодисменты.

Я видела её раньше только на фотографиях и в коротких телевизионных сюжетах. Нина рассказывает о фермерском хозяйстве, показывает старую мельницу, делится рецептами сезонных блюд. В жизни она выглядит мягче. Не моложе своих лет, но ярче большинства женщин в зале. Светлое платье, тёмные волосы собраны на затылке, неброские серьги. Она двигается уверенно, без суеты, и улыбается людям так, будто действительно замечает каждого.

Ей вручают стеклянную статуэтку и букет. Нина подходит к микрофону.

— Спасибо. Я очень волнуюсь, хотя мне сказали, что фермеру после сезона дождей уже ничего не страшно.

Зал смеётся.

Она немного ждёт, пока стихнет смех, и продолжает:

— Когда я начинала эту книгу, мне казалось, что это будет просто сборник рецептов. Хороших, проверенных, семейных. А потом я поняла, что рецепт сам по себе почти ни-

чего не значит. Важно, кто готовил. Кого ждали за столом. С кем ссорились. Кого прощали. Каких людей помнили спустя много лет.

Я смотрю на неё и чувствую, как ногти впиваются в обложку книги. Нина говорит искренне, и это звучит хуже всего. Она верит каждому произнесённому слову. Верит, что имеет право стоять на сцене и принимать благодарность за истории, написанные рукой Георгины Степановны.

— Над книгой работало много людей, — продолжает она. — Я обязательно назову редактора Анну Лаврову, фотографа Илью Котова, художника Марину Егорову. Спасибо издательству и типографии, которые не побоялись сложного проекта.

Она делает короткую паузу.

— И особая благодарность Сергею Павловичу Данилову. Без него эта книга, возможно, так и осталась бы папкой разрозненных записей. Он первым сказал, что в старых семейных тетрадях важны не только рецепты. Он помогал разбирать записи, восстанавливать имена, вспоминать истории. Иногда знал о них больше, чем я.

Зал аплодирует, а я не двигаюсь, будто нахожусь в каком-то трансе.

Сергей помогал разбирать записи, восстанавливать имена, вспоминать истории...

Значит, Сергей не просто передал заказ в типографию.

Он держал тетрадь в руках, читал, объяснял Нине, кто та-

кой прадед Фёдор, почему бабушка Тоня ставила у печи первый кусок пирога, откуда берётся чашка молока для грома. Может быть, сидел рядом с Ниной и улыбался, когда она говорила, как это трогательно...

Я смотрю на книгу.

Я ещё не знаю, что страшнее: то, что Сергей берёт тетрадь без моего разрешения, или то, что становится проводником между памятью моей матери и чужой женщиной.

Церемония заканчивается.

Люди поднимаются с мест, тянутся к сцене. Начинаются поздравления, фотографии, обмен визитками. Я остаюсь сидеть, пока проход между рядами не освобождается. Мне нужно найти Нину, представиться, спросить, откуда она получила тетрадь.

Но прежде я должна понять, насколько далеко заходит участие Сергея.

Я встаю и медленно иду к выходу из зала, что в шоковом состоянии не сразу замечаю Сергея. Лишь его негромкий, хриплый смех. И поворачиваю голову.

Глава 3

Сергей видит меня, и на одно мгновение его лицо становится совершенно чужим. Улыбка исчезает моментально. Не медленно, она просто обрывается. Он будто перестаёт дышать, и делает шаг ко мне. Совсем короткий, почти произвольный. Так он делает тысячи раз, замечает меня среди людей и идёт навстречу, даже не задумываясь.

А тут... сразу же останавливается.

Словно только после этого первого движения вспоминает, где находится и кто стоит рядом.

Его взгляд метается к Нине. И только потом возвращается ко мне.

Этого мгновения оказывается достаточно.

Он ещё не успевает надеть привычное выражение лица. Не успевает снова стать моим мужем — спокойным, немного усталым человеком, уверенным, что любую ситуацию можно разумно объяснить.

Я вижу человека, которого застали между двумя женщинами. И вижу, о ком он думает первой.

Нина прослеживает его взгляд, смотрит на меня. На её лице нет ни торжества, ни испуга. Только лёгкое недоумение. Наверное, она узнаёт директора областной библиотеки и не понимает, почему Сергей так резко меняется. Потом она

улыбается мне, очень вежливо и открыто. Сергей отдаёт ей букет, что-то быстро говорит, и направляется ко мне.

Пока он идёт, лицо постепенно меняется. Возвращается уверенность, спокойствие. Даже лёгкая досада. Будто моё появление создаёт неудобство, которое теперь придётся устранять.

— Лида? — Он останавливается передо мной. — Не ожидал тебя здесь.

— Я вижу.

Он бросает взгляд на книгу в моих руках. Слишком быстрый взгляд.

— У нас была встреча с издателями, — говорит он. — Я думал, закончим раньше. Потом попросили остаться на награждение.

Я не спрашиваю, почему он здесь. Он начинает объяснять сам.

— Ты говорил, что едешь на встречу с поставщиками, — напоминаю ему замогильным голосом.

— И с поставщиками тоже. Здесь много партнёров, — отвечает он быстро не обращая внимание.

— Ты знал об этой книге? — слова вырываются сами собой, и он снова смотрит на обложку.

— Наша типография печатала тираж, — произносит Сергей и отводит взгляд.

— Я спросила не об этом, — смотрю на него пристально, а он продолжает смотреть по сторонам. Только не на меня.

Вокруг проходят люди. Кто-то здоровается с Сергеем, жмёт ему руку, поздравляет с удачным изданием. Он улыбается, благодарит, отвечает привычными словами.

Я просто жду.

Когда мужчина уходит, повторяю:

— Ты знал содержание книги?

— Конечно, частично. Я же руководитель предприятия,
— выдыхает и улыбается так неестественно, даже виновато.

— Руководитель типографии обычно помогает автору восстанавливать имена и вспоминать семейные истории? — удивленно спрашиваю и стараюсь держать тон на одном уровне, чтобы не сорваться.

На его лице появляется раздражение, совсем лёгкое. Для постороннего, почти незаметное, только не для меня, оно слишком знакомое. Так Сергей реагирует всегда, когда разговор выходит за пределы подготовленной версии.

— Нина преувеличила моё участие. Она сейчас на эмоциях, — и снова эта неуместная его улыбка.

— Откуда у неё записи моей матери? — задаю вопрос уже в лоб, без экивоков.

Он не переспрашивает.

Не говорит:

«Какие записи?»

Даже не удивляется.

Он лишь смотрит по сторонам и чуть тише произносит:

— Давай не здесь.

У меня перехватывает дыхание, но я всё же надеюсь еще, пытаюсь найти всему логичное объяснение.

— Значит, ты знаешь, о чём я говорю.

— Лида, сейчас не место устраивать разбирательство, — цедит он сквозь зубы на этот раз.

— Я пока ничего не устраиваю.

— Ты смотришь так, будто я совершил преступление.

— Откуда у Нины мамина тетрадь?

Он напрягает челюсть.

— Я всё объясню дома.

— Она у Нины?

— Дома, Лида.

— Почему ты не сказал, что будешь здесь?

— Потому что не обязан отчитываться о каждом рабочем мероприятии, — слова звучат жёстче, чем он, наверное, собирался, и почти сразу же Сергей смягчает голос. — Я не знал, что ты сегодня приедешь. Ты могла предупредить.

Несколько секунд я просто смотрю на него.

— Я должна была предупредить тебя, что собираюсь на литературный фестиваль?

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Ты сейчас взвинчена. Увидела непонятно какие истории, и сама сделала выводы.

Непонятно какие истории...

Он говорит именно так.

Не спрашивает, какие истории.

Не спрашивает, действительно ли они похожи.

Не просит показать страницу.

Он уже знает, что я их узнала. И в эту секунду внутри меня возникает холодная, почти безболезненная ясность.

— Кто она тебе?

Сергей медленно выдыхает.

— Автор.

— Только автор?

— Мы много работали вместе.

— Я видела.

— Что ты видела?

Теперь он смотрит прямо мне в глаза. Маска возвращается окончательно. Передо мной снова мой муж, спокойный и собранный. Человек, с которым я проживаю тридцать три года. Человек, который стоит рядом, когда умирал отец, возил лекарства маме, встречал Катю из роддома, даже дважды. Который каждое воскресенье измеряет мне давление и ворчит, что я снова забываю пообедать.

На одно мгновение мне хочется усомниться в самой себе.

Может быть, я действительно всё придумала?

Может быть, всё можно объяснить?

Но я помню ту секунду.

Первый шаг ко мне и остановку. Взгляд на Нину.

— Мы поговорим дома, — говорю я, наконец.

— Да. Именно это я и предлагаю, — облегченно выдыхает

Сергей.

Я разворачиваюсь и уже собираюсь уйти, как вдруг Сергей хватает меня за локоть:

— Лида.

Я опускаю взгляд на его руку, и Сергей сразу отпускает.

— Ты могла неправильно понять, — внезапно проговаривает он.

— Что именно? — безразлично вылетает ответ, потому что уже без разницы, как и что он будет говорить в своё оправдание.

Мне, итак, всё уже понятно, даже если внутри я всё ещё сопротивляюсь правде.

В его глазах мелькает настороженность.

— Наше общение с Ниной. Она эмоциональный человек. После награждения все немного...

Он не договаривает. Тяжело вздыхает и совсем растерянно проводит пальцем по волосам, как нашкодивший мальчишка.

— Я ничего не сказала о вашем общении.

Он замолкает. Скорее даже замирает на секунду. Потому что понимает, что он сам произносит то, в чём я его ещё не обвиняю. На миг даже кажется, что вид у него становится совсем потерянный.

— Ты спросила, кто она мне.

— И ты испугался вопроса? — не знаю почему вдруг улыбка рисуется на моем лице.

— Я не испугался, — выпячивает он грудь, а глаза снова бегают по сторонам.

— Тогда ответишь дома, — категорично бросаю на ходу и разворачиваюсь.

Иду к выходу, и не оглядываюсь, пока не дохожу до стеклянных дверей.

И всё-таки останавливаюсь.

Сергей не идёт за мной. Он снова стоит рядом с Ниной. Говорит ей что-то быстро и тихо. Она слушает его уже без улыбки. Потом смотрит в мою сторону. Теперь в её лице появляется растерянное беспокойство.

Сергей мог догнать меня.

Мог остановить.

Мог поехать домой вместе со мной.

Но первым делом он предупреждает её.

Я выхожу на улицу. Дождь заканчивается. На мокрой площади отражаются яркие фестивальные плакаты. Люди переходят от павильона к павильону. Под навесом продают кофе и горячие пироги.

А я иду к стоянке, прижимая книгу к груди.

Я не плачу.

Не могу.

В голове снова и снова повторяются не слова Сергея. Перед глазами застыл его взгляд.

Глава 4

В машине я кладу книгу на соседнее сиденье. Несколько минут просто сижу, не вставляя ключ в замок зажигания. Ладони лежат на руле так крепко, что начинают неметь пальцы.

Мне хочется позвонить Екатерине. Не потому, что она сможет что-то объяснить, просто услышать голос дочери. Убедиться, что хоть где-то всё осталось прежним.

Но что я скажу?

«Катя, тебе не кажется, что твой отец живёт с другой женщиной?»

Я почти слышу собственный голос со стороны.

Бред какой-то!

Нет.

Пока это только между мной и Сергеем.

Я наконец завожу двигатель.

Дождь закончился совсем недавно. Асфальт блестит, словно покрытый тонким стеклом. Встречные машины пересекают темноту длинными полосами света, и каждый раз мне приходится сильнее сжимать руль.

Не думать.

Главное, не думать.

Сначала тетрадь.

Нужно проверить тетрадь.

Может быть, Сергей действительно просто сделал фотографии.

Может быть, переписал несколько рецептов.

Может быть, мама когда-то сама разрешила кому-то пользоваться своими записями.

Каждая новая версия звучит всё менее убедительно. Но каждая оставляет крошечную возможность, что моя жизнь ещё не рассыпалась окончательно.

Телефон начинает вибрировать, когда я въезжаю в город. На экране высвечивается имя мужа. Я смотрю несколько секунд, палец за висает над экраном.

Нет!

И сбрасываю вызов.

Почти сразу приходит сообщение.

«Не делай выводов. Скоро буду дома, спокойно поговорим.»

Я перечитываю его дважды.

«Не делай выводов».

Не: «Что случилось?»

Не: «Почему ты уехала?»

Не: «Ты расстроилась?»

Он уже понимает, какие именно выводы я могу сделать. И больше всего боится именно их.

Возле дома почти пустая парковка. Я долго сижу в машине, и просто смотрю на окна нашей квартиры.

Тридцать три года.

Каждый вечер я возвращалась сюда с ощущением, что еду домой. Сегодня впервые, кажется, будто иду в чужую квартиру.

Поднимаюсь на четвёртый этаж, открываю дверь. Гробовая тишина. Та особенная квартирная тишина, которая обычно казалась уютной. Сегодня же она давит.

Снимаю пальто, даже не разуваюсь, и прямо в обуви прохожу через прихожую. Мне кажется, если остановлюсь хоть на минуту, уже не смогу заставить себя сделать следующий шаг.

Секретер стоит там же, у дальней стены. Тёмное дерево, потёртые латунные ручки. Мама купила его, когда я поступила в институт. Тогда он казался огромным и очень взрослым. После её смерти Сергей несколько раз предлагал избавиться от старой мебели.

— Лида, ну зачем хранить этот музей? Купим что-нибудь современное.

Я всегда отказывалась. Теперь понимаю почему. Потому что мама словно всё ещё жила в этих вещах.

Открываю шкатулку, достаю маленький ключ, и на секунду задерживаю его между пальцами.

Пожалуйста...

Пожалуйста, пусть всё окажется моей глупой фантазией...

Замок тихо щёлкает, ящик плавно выдвигается. Белая льняная ткань лежит именно так, как я её оставляла, очень

аккуратно и ровно. У меня вырывается короткий выдох.

Вот видишь...

Ты себя накрутила...

Я даже улыбаюсь, совсем чуть-чуть. Пальцы осторожно цепляют край ткани, разворачиваю. И улыбка исчезает.

Внутри лежит фотоальбом, старый, толстый, почти такого же размера, как мамина тетрадь.

Я смотрю на него несколько секунд. Мозг почему-то отказывается понимать очевидное. Потом беру альбом обеими руками. Он тяжёлый, совсем не такой, как тетрадь. Если бы я не развернула ткань...

Я бы ничего не заметила.

Воздух будто становится гуще.

Я медленно опускаюсь на пол рядом с секретером.

Альбом остаётся лежать на коленях.

Нет...

Нет...

Это невозможно...

Потом приходит следующая мысль. Не случайная. Не ошибка. Он специально положил сюда альбом, чтобы я как можно дольше не заметила пропажу.

У меня холодеют ладони, не от злости, от понимания. Это не минутное решение. Он всё продумал заранее.

Я всё ещё сижу на полу, когда в замке поворачивается ключ, и в прихожей хлопает дверь. Слышится знакомый голос.

— Лида?

Я закрываю глаза. Ещё вчера этот голос был для меня самым родным. Сегодня он звучит так, будто принадлежит чужому человеку.

— Лида?

Шаги становятся ближе. Он входит в гостиную. Сначала замечает открытый секретер, потом белую ткань, затем альбом у меня на коленях. И только потом смотрит мне в лицо. Я вижу, как меняется его взгляд.

Он всё понял.

Понял ещё до того, как я произнесла первое слово.

Сергей не произносит ни слова, только медленно снимает пиджак. Руки работают привычно, почти автоматически. Аккуратно вешает его на спинку кресла, поправляет воротник, словно действительно вернулся домой после обычного рабочего дня. Эта почти бытовая неторопливость вдруг кажется мне чудовищной. Мир только что перевернулся, а он всё ещё расправляет складки на пиджаке.

Я поднимаюсь не сразу. Сначала осторожно кладу фотоальбом на пол. Закрываю ящик секретера. Пальцы задерживаются на потёртой латунной ручке чуть дольше, чем нужно.

Мне необходимо за что-то держаться.

За дерево.

За металл.

За что угодно.

Лишь бы не за человека, которого, кажется, больше не

знаю.

Только потом выпрямляюсь.

— Где тетрадь?

Он медленно выдыхает, не удивляется вопросу, будто готовился к нему всю дорогу.

— Лида...

— Где тетрадь моей матери?

Он проводит ладонью по лицу. Большим пальцем касается подбородка, словно собираясь с мыслями, потом делает привычный шаг ко мне. За тридцать три года он тысячи раз подходил вот так, чтобы обнять, взять за плечи, поцеловать в висок.

Сегодня я впервые сама делаю шаг назад. Совсем небольшой, на полшага, но этого оказывается достаточным, и он замечает. На какую-то долю секунды замирает. Рука, уже почти поднявшаяся ко мне, медленно опускается. Сергей делает вид, что ничего не произошло.

Но произошло!

Между нами впервые появляется расстояние.

Настоящее.

— Давай сначала успокоимся.

— Я спокойна.

— Нет, — качает он головой, — Ты сейчас на эмоциях.

— Где тетрадь? — повторяю я вопрос ровным голосом, удивляюсь себе, как сдерживаю себя от истеричного вскрика.

Я ведь в шоке в данный момент. Или скорее всего, поэтому и сдерживаюсь, потому что не нахожу ни слов и объяснений этому поступку.

Он раздражённо втягивает воздух, смотрит в сторону, потом опять на меня, будто ищет ответ, который ничего не разрушит.

— У Нины.

Я непроизвольно замираю. Мир глохнет на эту долю секунды. В ушах непонятный гул. Я слышу слова, но смысл приходит не сразу. Они словно ударяются обо что-то внутри меня и только потом начинают медленно оседать.

У Нины?!

У! Нины!!!

Я машинально сильнее сжимаю ручку секретера. Кажется, дерево сейчас треснет под пальцами.

— Как... — нервно сглатываю, прежде чем продолжить, — она там оказалась?

Он опускает взгляд.

— Я дал ей посмотреть.

Я моргаю в недоумении. Один раз, второй. Будто этим можно отмахнуться от происходящего безумия.

Нет!

Я, наверное, неправильно услышала.

— Ты... — голос неожиданно становится хриплым, во рту пересыхает так основательно, что приходится вновь сглотнуть. — Ты открыл секретер?

— У меня есть ключ.

Он отвечает слишком быстро, слишком уверенно, будто речь идёт о какой-то бытовой мелочи.

— Я не спрашиваю, был ли у тебя ключ.

Он тяжело выдыхает, будто устал от нелепого разговора. Так, словно это не он сейчас объясняется передо мной, а я заставляю его оправдываться по пустякам.

— Лида, не начинай.

— Не начинать что?

— Этот тон.

— Какой именно?

Он отворачивается. Проходит несколько шагов по комнате. Останавливается у окна, и тут же возвращается обратно. Ему явно тесно в собственной гостиной.

— Будто я что-то украл, — произносит это резко, с раздражением, почти с обидой.

А я смотрю на него, и недоумеваю, что это значит... не он, а я причиняю боль и досаждаю своими вопросами?!..

Не нахожусь, что ответить и просто стою, и смотрю на этого человека, который внезапно стал таким чужим, далёким. Не отрываю от него взгляда. Смотрю долго и внимательно. Наверное, впервые в жизни настолько долго.

— Ты тайно взял вещь, которая принадлежала мне.

Он скидывает голову.

— Это семейная тетрадь, — слышу возмущение в его голосе, и спокойно уточняю:

— Моей семьи.

— Я тридцать три года являюсь частью этой семьи.

Он говорит громче обычного, не кричит, но голос становится жёстче. Я впервые замечаю, как сильно у него покраснела шея. Видно, как он нервничает, очень, даже чрезмерно, судя по его лицу. Только всеми силами пытается не показывать этого.

— Поэтому решил, что можешь отнести её Нине? — не уподобляюсь ему и не повышаю голоса, хотя очень хочется.

Он снова начинает ходить. Не быстро, но без остановки. От окна к дивану, от дивана обратно, будто движение помогает ему не сорваться.

— Книга была хорошим проектом.

— Для кого? Для неё или для тебя?

Он молчит, всего секунду. Переводит дыхание, как перед прыжком.

— Нине нужны были полезные рецепты. Настоящие семейные записи. Ну я и вспомнил про тетрадь.

— И решил не спрашивать моего разрешения?

Он резко разводит руками.

— Господи, Лида!

Я даже вздрагиваю, не от громкости, от неожиданности.

— Ты сама почти ею не пользовалась.

Я так поражаюсь последним словам, что открываю рот, чтобы ответить, а вместо этого вырывается какой-то хриплый звук, то ли усмешка, то ли возмущённый всхлип. Не

пойму. Потому что в эту секунду меня будто облили ледяной водой таким несправедливым заявлением. Я даже будто зависаю на мгновение, перестаю соображать. Ведь именно он, постоянно обесценивал мамин труд, её кропотливые записи каждого рецепта до мельчайших подробностей.

Стою и смотрю на него, в ожидании к чему приведёт этот его спектакль. И кажется, он твёрдо верит в то, что говорит. Ему даже самому нравится эта мысль. Он хватается за неё.

— Она просто лежала. Годами просто лежала.

— Как память, — хрипло выдыхаю.

Я будто в каком-то трансе от полученного шока. А он усмехается. Совсем коротко, почти незаметно, но я успеваю увидеть.

— Ну какая память?! Просто старые рецепты.

В этот момент мне становится холодно. Не потому, что он взял тетрадь, а потому, что я вдруг понимаю. Он действительно так думает. Все эти годы он видел в ней только старую записную книжку.

Он даже не понял, что отдал чужому человеку целую жизнь моей семьи.

Глава 5

Сергей явно сказал не подумав, потому как вижу, как он замирает на секунду, что кажется, будто и не дышит. Только смотрит на меня. Он будто сам испугался собственных слов.

В комнате становится тихо. Так тихо, что я слышу, как на кухне начинает гудеть холодильник.

Мы прожили здесь больше тридцати лет. Я никогда не замечала этого звука.

— Просто старые рецепты, — повторяет Сергей уже не так уверенно.

Я смотрю на него, спокойно, без истерики.

— Ты действительно так думаешь?

Он молчит.

— Думаешь, мама тридцать лет записывала только рецепты?

— Не передёргивай, Лида.

— Ты сейчас серьёзно?

Он шумно выдыхает. Подходит к журнальному столику, берёт пульт от телевизора, машинально крутит его в руках, даже не замечая этого. Через секунду кладёт обратно. Сразу же снова берёт. Ему нужно чем-то занять руки.

А мне сейчас нужно хоть за что-нибудь удержаться. Пальцы так сильно впиваются в латунную ручку секретера, что

начинают неметь. Если сейчас отпущу её, кажется, вместе с ней отпущу и остатки самообладания. Поэтому стою и не двигаюсь. Не позволяю себе даже шагнуть в его сторону. Пока между нами есть это расстояние, я ещё могу говорить спокойно.

— Лида... — устало выдыхает Сергей.

— Нет, — качаю головой. — Сейчас говорю я.

Он поднимает взгляд. Впервые за весь разговор я перебиваю его, при этом не повышая голоса. И это производит куда больший эффект, чем любой крик.

— Ты забрал мамину тетрадь. Отдал её другой женщине. Подменил её фотоальбомом. Неизвестно еще, сколько времени скрывал это от меня. И сейчас пытаешься убедить меня, что я зря расстраиваюсь.

Он сжимает пульт так сильно, что костяшки пальцев белеют.

— Я не это имел ввиду.

— Именно это.

— Я хотел помочь.

— Кому?

Он открывает рот, и сразу закрывает. Потом всё-таки отвечает:

— Нине.

Одно короткое слово.

Но почему-то именно оно больше всех предыдущих.

Не книге.

Не издательству.

Не читателям.

А именно... Нине.

Я молча беру со стола книгу Нины и провожу ладонью по матовой обложке.

— Знаешь, что самое странное?

Сергей ничего не отвечает. Только медленно опускает пульт на стол, хотя пальцы ещё несколько секунд продолжают лежать на нём.

— А я ведь вообще могла и не узнать об этой книге. Просто случайно попала на фестиваль. Сегодня должен был приехать сотрудник по общественным связям библиотеки. Но так получилось, что пришлось мне её заменить. А потом, мне вручили книгу у входа, как представителю областной библиотеки. Обычный рабочий экземпляр. Победитель фестиваля, хорошее региональное издание. Я открыла её как библиотечарь, а закрыла уже как дочь.

Я смотрю на обложку, вспоминая, с каким спокойным профессиональным интересом открыла её несколько часов назад.

— Сначала я даже подумала, что книга прекрасно сделана. Что её стоит рекомендовать читателям. Что такие издания помогают людям сохранить семейную память.

Последние слова застревают в горле.

Семейную память.

Только не свою...

— А потом я открыла её наугад и увидела мамину фразу. Решила, что это совпадение. Перевернула страницу, и нашла другую. Потом ещё одну. И еще...

Поднимаю глаза на Сергея.

— Если бы эту книгу мне сегодня не протянули у входа, я бы до сих пор ничего и не знала.

Он не двигается, но пальцы на краю стола едва заметно поджимаются.

— Я вернулась бы домой. Спросила, как прошла твоя встреча с поставщиками. Приготовила ужин. А мамина тетрадь так и лежала бы у Нины, пока вы вдвоём разбирали память моей семьи.

Он внимательно слушает, и я впервые вижу, как в его глазах появляется тревога. Настоящая, без прикрас.

Я листаю страницы, нахожу закладку, и протягиваю книгу ему.

— Читай.

Он не двигается.

— Лида...

— Читай.

Он нехотя берёт книгу, опускает взгляд. Я знаю почти наизусть, что написано на этой странице. Ждала всю дорогу домой, словно надеялась, что дома буквы станут другими. И не стали.

— Нашёл?

Он медленно кивает.

— И что?

— Прочитай вслух.

Он не отвечает.

— Сергей. Прочитай.

Он проводит большим пальцем по странице. Очень медленно, будто оттягивает момент.

Потом всё-таки начинает.

«После смерти сына бабушка ещё много лет накрывала на стол лишнюю чашку. Говорила, что человеку страшнее всего однажды перестать ждать тех, кого уже невозможно дождаться...»

Он замолкает, а я продолжаю смотреть на него.

— Дальше.

— Лида...

— Дальше читай.

Он дочитывает до конца. Голос становится всё тише. Последние строки почти шепчет, и закрывает книгу.

— Что?

— Это было в тетради.

— Между рецептом варенья и списком покупок.

Я делаю шаг ближе, совсем немного. Теперь нас разделяет меньше метра.

— Это не глава. Не рассказ. Не воспоминание, которое мама специально записала для книги. Это была заметка на полях. Для себя. Карандашом, и мелким почерком. Помнишь?

Он молчит.

— Нина не могла её понять. Она не знала, кто умер, не знала нашу семью, не знала бабушку.

Он медленно проводит рукой по затылку. Я вижу, как напрягаются мышцы шеи.

— Я...

— Ты объяснил ей?!

Он не отвечает. И этого молчания будто хватает, не требует ответа. Хотя Сергей и не отрицает и не подтверждает одновременно.

— Ты рассказал чужой женщине, почему моя бабушка всю жизнь ставила на стол лишнюю чашку.

Он резко вскидывает голову.

— Не говори о ней так.

Слова вырываются раньше, чем он успевает их остановить. Он и сам это понимает. Потому что сразу закрывает глаза, всего на секунду, словно хотел вернуть сказанное обратно. Но уже поздно.

Я медленно закрываю книгу, очень аккуратно. Так же аккуратно, как несколько минут назад складывала белую ткань. Потому что если начну делать хоть что-нибудь резко...

Наверное, уже не остановлюсь.

— Не говорить как?

— Будто Нина какая-то посторонняя.

Он произносит это почти раздражённо, почти автоматически. Как будто защищает то, что давно привык защищать.

И в этот момент...

Что-то внутри меня окончательно обрывается.

Не тетрадь.

Не книга.

Не ложь.

Именно эта оговорка.

Я вдруг понимаю, что он говорит так не потому, что спорит со мной. А потому, что для него она давно перестала быть посторонней.

Смотрю ему прямо в глаза, наверное, впервые за весь вечер не пытаюсь найти оправдание. Не надеюсь услышать объяснение. Не цепляясь за последнюю возможность ошибиться.

— А кто она, Серёжа?

Я впервые за вечер называю его так. По имени, которым называла все эти тридцать три года. Только сейчас оно звучит совсем иначе. Очень тихо, почти ласково, и от этого становится страшнее. Потому что я уже знаю, что какой бы ответ он сейчас ни дал... наша прежняя жизнь закончилась.

Глава 6

Сергей долго молчит. Настолько долго, что я успеваю услышать, как за окном проезжает автобус, хлопает дверь в соседнем подъезде и где-то наверху начинают двигать мебель.

Раньше я никогда не замечала, сколько звуков живёт в тишине.

— Я задала простой вопрос.

Он медленно проводит ладонью по лицу, так не спеша, будто надеется стереть с него усталость вместе с этим разговором. Потом снимает очки, хотя дома почти никогда этого не делает. Достает из кармана платок, зачем-то начинает протирать совершенно чистые стёкла. Движения такие размеренные, привычные. Только руки дрожат совсем чуть-чуть.

Он тоже это замечает, и сразу убирает платок.

— Она человек, которому была нужна помощь.

Я смотрю на него, на эти очки, на пальцы, которые никак не могут спокойно надеть их обратно, и вдруг понимаю, что он отвечает совсем не мне.

Он оправдывается перед собой.

— Я не это спросила.

Очки наконец оказываются на переносице, но он снова

снимает их. Тихо выдыхает и подходит к книжному шкафу. Проводит пальцами по корешкам книг, даже не глядя на названия. Ему просто нужно идти, двигаться. Хоть чем-нибудь занять себя, потому что стоять напротив меня оказывается тяжелее, чем он ожидал.

— Именно это сейчас имеет значение, — наконец произносит он.

— Нет, — качаю я головой в отрицании и слышу собственный голос, такой спокойный, даже слишком. От этого самой становится не по себе, — Кто она тебе?

Он закрывает глаза. И это выглядит не театрально. Ненадолго, просто на секунду, будто эти слова ударили сильнее, чем всё остальное.

— Лида...

Я снова качаю головой, и отвечаю уже резче, чем хотела:

— Не называй меня так.

Он медленно открывает глаза и смотрит внимательно на меня. Наверное, ждёт, что я сейчас расплачусь, или закричу. Начну бросать вещи. Возможно, от этого ему было бы легче. Только я поразительно спокойна веду с ним этот диалог, который подводит окончательную черту.

Я всегда думала, что предательство выглядит именно так: крики, слёзы, разбитая посуда.

Оказывается... оно выглядит совсем иначе.

Два человека стоят посреди собственной гостиной. И один из них, просто больше не узнаёт другого.

— Просто ответить, — устало прошу его.

Голос будто оседает на полтона. Звучит совсем тихо. Наверное, даже слишком тихо. Хотя, после всего, что я уже узнала, можно было кричать. Можно было требовать. Можно было обвинять. Но сил на это почему-то не осталось.

Я просто хочу услышать правду.

Сергей не отвечает. Он лишь отворачивается, доходит до окна и останавливается. За стеклом уже совсем темно. В отражении я вижу его сутулые плечи.

Когда они успели так опуститься? Он всегда ходил прямо.

Мама всегда говорила: «У Серёжи такая осанка, будто офицер.»

Странно.

Даже сейчас я вспоминаю её слова.

Он вдруг тянется к ручке окна. Берётся за неё, совсем осторожно, всего несколько секунд стоит неподвижно, и потом отпускает, так и не открыв. Кажется, сам не понимает, зачем вообще подошёл сюда.

— Всё не так... — его голос звучит глухо, он всё ещё стоит ко мне спиной. — Как ты сейчас себе представляешь.

Я неожиданно улыбаюсь. И это не улыбка радости.

Улыбка разочарования...

И от собственной улыбки становится страшно.

— Тогда повернись ко мне и скажи прямо, в глаза.

Он не двигается.

— Серёжа, повернись. Я не хочу разговаривать со спиной.

Несколько секунд ничего не происходит. Потом он медленно разворачивается. И только сейчас я замечаю...

Он боится...

По-настоящему.

Не того, что я устрою скандал. Он боится увидеть в моих глазах то, чего там никогда раньше не было.

Чужого человека.

Он долго молчит. Так долго, что я уже перестаю ждать и додумываю за него. Хотя додумывать и нечего. Всё, итак, лежит на поверхности.

— Она автор. Мы работали вместе, — наконец, тихо произносит Сергей.

Смотрю на его опущенные плечи в эту секунду и не отвожу взгляда.

— Это я уже знаю, — неожиданно для себя огрызаюсь, потому что хочу услышать другое, а не его отговорки.

— Лида... — устало выдыхает Сергей.

— И это тоже знаю, — резко прерываю его.

Он устало трёт переносицу и говорит:

— Мы действительно много времени проводили вместе...

Слова звучат очень тихо, словно ему приходится вытаскивать из себя, буквально каждое слово:

— Мы работали. Иногда спорили. Ездили по деревням. Разговаривали со стариками...

Я слушаю очень внимательно. И вдруг ловлю себя на том, что больше не слышу слов.

Я слышу только одно.

«Мы.»

«Мы ездили.»

«Мы собирали.»

«Мы искали.»

Когда-то точно так же он говорил обо мне.

Мы купили квартиру.

Мы делали ремонт.

Мы растили Катю.

Мы строили дом.

Теперь это короткое слово принадлежало уже другой женщине.

Дальше я уже почти не слышу продолжения. Перед глазами вдруг всплывают десятки вечеров.

Осень.

Поздняя осень.

Он возвращается домой уже затемно. Я выхожу встречать его в прихожую, он смеётся и ставит на пол тяжёлые пакеты.

— Смотри, что мне привезли!

Домашний сыр, мёд, копчёная рыба.

Я тогда ещё удивлялась.

— Какие щедрые у тебя стали партнёры.

Он только улыбался. Подходил, целовал меня в лоб, и говорил:

— Просто хорошие люди попались.

Я останавливаю безумный хаос своих мыслей и вдруг спрашиваю:

— Ты ездил с ней в те самые командировки?

Не знаю зачем спросила. Ответ очевиден. Только видимо хочу услышать из его уст. А Сергей смотрит на меня так, словно ищет пути отступления, в надежде, что я сама сниму этот вопрос.

Не сняла.

И тогда звучит его ответ, почти неслышно:

— Да.

Я не ожидала, что сердце может заболеть физически, не образно, а по-настоящему. Будто кто-то медленно сжал его в ладони. Перед глазами продолжали всплывать картинки прошлых его командировок.

Я смеялась, разбирала продукты, гостинцы из этих его поездок. Ещё ворчала, что холодильник и так полный. А он, как всегда, просто обнимал меня за плечи, привычно целовал и постоянно говорил, что это всё для нас.

Теперь я вдруг поняла...

Не для нас.

От неё.

Медленно поднимаю глаза и произношу на автомате:

— Ты говорил, что ездил к поставщикам. К партнёрам. К фермерам.

Он едва заметно кивает.

— Иногда...

— Иногда? — мой голос звучит так глухо и тихо, что даже сама с трудом его слышу, — Теперь понятно, почему рядом с ней ты вёл себя так, будто вы давно вместе?

Сергей резко поднимает на меня взгляд и возмущённо выдаёт:

— Что?

Он будто вытягивается в струнку в этот момент, вновь обретая решимость.

— Ты услышал.

— Я держал букет. Это теперь доказательство преступления?

— Нет.

— Тогда о чём мы вообще говорим?

— О том, что, увидев меня, ты сначала посмотрел на Нину.

Он недовольно скривил гримасу и усмехнулся:

— Господи, Лида. Ты сейчас разбираешь, куда я посмотрел в толпе?

— Да.

— Это уже нелепо.

— Возможно.

— Ты увидела меня рядом с красивой женщиной и придумала измену.

Я даже не подумала вслух, что Нина была красивой, но Сергей снова опередил вопрос.

— Я пока ничего не придумала.

— Ты именно это и думаешь.

— А мне не следует? — вскидываю я бровь, на что Сергей, округлив глаза выпаливает, будто вновь распетушился и обретает голос:

— Разумеется, нет!

Чувствую, что наш разговор набирает обороты и тишина больше не грозит гостиней, потому как наши голоса поднимаются на полтона выше при каждой брошенной фразе. И всё же перестаю себя сдерживать, продолжаю добиваться от него правды. Чтобы наконец-то он признался сам. Только Сергей, видимо прекрасно научился имитировать любые эмоции, что искусно парирует любое обвинение в его сторону.

— Тогда скажи, что между вами никогда ничего не было, — бросаю ему в ответ и не даю возможности отпираться.

На этот раз Сергей вновь задерживается с ответом. Со всем ненадолго. Но я уже научилась замечать эти паузы.

— Между нами рабочие отношения, Лида. Я уже сказал.

— Только рабочие?

— Мы дружим.

— Только дружим?

— Ты собираешься повторять одно и то же, пока не получишь нужный ответ?

— Мне нужен правдивый.

— Я говорю правду.

— Ты спал с ней? — наконец задаю ему главный вопрос

и не отрываю взгляда, на что он только морщится и вновь пытается уйти от ответа:

— Нельзя разговаривать нормально?

— Можно. Ты был с Ниной как мужчина?

— Лида...

— Да или нет?

— Ты всё сваливаешь в одну кучу. Книга, тетрадь, личные отношения.

— Значит, личные отношения есть?

— Я этого не говорил.

— Тогда скажи, что их нет.

— Между нами не было ничего серьёзного.

Тишина вновь обрушивается на гостиную, как лавина. Он сразу понимает, что сам допустил ошибку, прежде чем я успеваю ему ответить. Лицо его замирает. И я почему-то чувствую не удар, а странное облегчение. Словно долго стояла у двери, за которой слышалось движение, и теперь дверь наконец открылась.

— Я не спрашивала, было ли между вами что-то серьёзное.

— Не цепляйся к словам, — вновь раздражается Сергей, а я будто забыла тормоза включить, потому что уже абсолютно не сдерживаюсь и в тон отвечаю ему:

— Что было несерьёзным?

— Ничего.

— Что именно между вами было, Сергей? Я хочу услы-

шать.

Он отворачивается, нервно ослабляет галстук, расстёгивает верхнюю пуговицу и снова направляется к окну. Открывает ставни и вдыхает свежего воздуха, который напором врывается в помещение.

— Да, у нас была связь, — устало выдыхает он, будто опустил тяжелый груз с плеч этим признанием.

— Любовная?

— Да.

— Физическая?

Он закрывает глаза.

— Да.

Слово прозвучало тихо, но в комнате ничего не осталось, что могло бы его смягчить. Не понимаю, зачем устраиваю этот допрос и дальше, ведь я получила ответ. Но мне так больно, что перестаю дышать и думаю о том, сколько раз за последние месяцы он входил в эту квартиру после Нины. Снимал обувь, спрашивал, что на ужин, жаловался на пробки. И не возмутимо ложился рядом...

— Как давно?

— Недавно.

— Это не срок.

— Несколько месяцев.

— Сколько?

— С зимы.

— С какой зимы?

Он раздражённо отталкивается от окна и смотрит мне в глаза.

— С этой. С января. Теперь довольна?

— Сегодня сентябрь.

— Я умею считать.

— В январе тетрадь уже была у Нины.

— Это не связано.

— Ты отдал ей рукопись до того, как начал с ней спать?

— Я не собираюсь обсуждать последовательность таких вещей.

— Потому что она разрушит твою версию?

— Потому что это унижительно.

— Для кого?

Сергей снова подходит к столу.

— Я совершил ошибку. Хорошо? Ты этого хотела? Это произошло несколько раз. Потом мы поняли, что всё зашло не туда.

— И прекратили?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Мы решили, что так продолжаться не может.

— Когда решили?

— Недавно.

— До фестиваля?

— При чём здесь фестиваль?

— Сегодня вы не выглядели людьми, которые что-то пре-

кратили.

— Ты видела несколько секунд.

— Мне хватило.

— Тебе всегда хватает нескольких секунд, чтобы вынести окончательный приговор.

Не помню, когда я успела вскочить с кресла. Но сейчас подхожу ближе к нему и встаю напротив стола, чтобы видеть его глаза, которые он то и дело отводит, либо отворачивается.

— Нина знает, что ты взял тетрадь без моего разрешения?

— Я не обсуждал с ней наши семейные дела.

— Ты сказал ей, что я согласна?

— Я сказал, что проблем не будет.

— То есть солгал.

— Я не лгал.

— Я не знала о книге.

— Я собирался тебе сказать.

— Когда?

— После выхода.

— Чтобы поставить перед фактом.

— Чтобы ты увидела результат и не стала отказываться из принципа.

Мы стоим друг против друга в эту минуту, как два чужих человека и пререкаемся, не желая уступать. Это больно ранит. Я резко перевожу взгляд на книгу. На обложке вижу чужую женщину, чужой дом, чужой сад. Только внутри этой

книги — голос моей матери.

— Ты использовал тетрадь, чтобы стать Нине нужным, — устало подвожу я итог, но Сергей фыркает в ответ:

— Не говори глупостей.

— Ты принёс ей готовую историю. Не рецепт. Не один материал. Целую семью. Имена, привычки, слова. То, чего у неё не было.

— У Нины достаточно собственных историй.

— Тогда зачем понадобились наши?

— Потому что они хорошие! — отвечает уже резче Сергей и повышает голос.

Я невольно отступаю, а он уже тише продолжает:

— Потому что твоя мать умела писать. Потому что эти записи не должны были сгнить в ящике. Потому что ты годами сидела над ними и ничего не делала.

— Я их берегла.

— От кого?

— Как выяснилось, от тебя.

Сергей закрывает глаза и качает головой.

— Невозможно разговаривать с человеком, который умерших ценит больше живых.

На этих словах чувствую боль, первую настоящую боль за весь вечер. Он знал, куда ударить.

Последние два года жизни матери были тяжёлыми. Я почти ежедневно ездила к ней, после работы. Организовывала врачей, покупала лекарства, оставалась ночевать. Сергей по-

могал, не всегда охотно, но помогал. Иногда говорил, что они больше никуда не ходят, ни с кем не встречаются, что в их жизни остались только больница, аптека и мамина квартира.

Я испытывала вину. После похорон обещала, что всё изменится. Мы действительно съездили в санаторий. Купили новые шторы. Стали чаще приглашать друзей. Я думала, что вернулась к мужу. А теперь не понимаю, куда возвращался он.

— Я не планировал измену, — неожиданно смягчаясь виновато произносит Сергей.

— Но тетрадь отдал сознательно, — тяжело выдыхая произношу, чтобы скрыть боль, которая разрывает изнутри.

— Я уже признал, что не должен был этого делать.

— Ты не признал. Ты до сих пор объясняешь мне, почему имел право.

Сергей положил телефон экраном вниз, опирается двумя руками о стол и в ярости бросает:

— Чего ты хочешь?

— Сейчас! Чтобы ты ушёл.

Он смотрит с таким искренним удивлением.

— Куда?

— Куда хочешь.

— Это мой дом, — ухмыляется он.

— Тогда уйду я, — бросаю ему в ответ и разворачиваюсь, чтобы уйти, но Сергей останавливает:

— Лида, перестань.

— Что перестать?

— Ты только что узнала неприятную вещь. Нужно время.

— Мне не нужно время, чтобы решить, могу ли я жить с человеком, который годами лжёт.

— Не годами.

— Ты лжёшь даже сейчас.

— Я сказал, что несколько месяцев.

— Я говорю не только об измене. Ты почти год скрывал тетрадь. Сколько времени готовилась книга? — он молчит, и я продолжаю уточнять, — Год? Два?

— Проект начался давно.

— Насколько давно?

— Первые разговоры были еще несколько лет назад, может года три, я не помню.

Чувствую, как воздух снова меняется, и мне становится дурно.

— Три года назад ты уже обсуждал с Ниной мамину тетрадь?

— Не тетрадь. Общую идею.

— Значит, ты знаешь её не несколько месяцев.

— Я и не говорил, что знаю её несколько месяцев.

— Ты сказал, что связь началась в январе.

— Так и есть.

— А до января вы три года просто обсуждали книги?

— Мы работали.

— И ты ни разу не упомянул её дома.

— Я не обязан перечислять всех деловых партнёров.

— Тех, кому отдаёшь вещи моей матери, обязан, — снова чувствую, как повышается мой голос на полтона.

Сергей устало опускается на край кресла.

— Лида, послушай. Мы с тобой давно жили как соседи.

Смотрю на него и осознаю:

Вот оно!

Наконец-то!

Фраза, которую, вероятно, повторяли тысячи неверных мужей.

Удобная, гладкая, заранее подготовленная.

— Давно — это сколько?

— Не знаю.

— Год?

— Больше.

— Три?

— Возможно.

— Шесть?

Сергей поднимает голову слишком быстро. Всего одно движение, но в нем столько недоумения:

— Почему шесть?

Не знаю, почему назвала это число. Первое, которое пришло в голову. Но его реакция оказалась слишком сильной.

— Просто спросила.

— Мы с Ниной знакомы не шесть лет.

— Я не спрашивала, сколько вы знакомы.

— Ты именно это имела в виду.

— Нет. Я спросила, сколько лет, по-твоему, мы жили как соседи.

Сергей виновато отводит взгляд, и я чувствую, как где-то на краю сознания появляется новый вопрос.

Не о том, изменял ли он.

Это уже было установлено.

Не о том, отдал ли тетрадь.

Она лежала у Нины почти год.

Вопрос был другим.

Насколько давно Сергей научился возвращаться домой от другой женщины и выглядеть добропорядочным семьянином и верным супругом?

— Наш брак давно перестал быть настоящим, — сказал он.

— Для кого?

— Для нас обоих.

— Ты мне об этом не сообщил.

— Ты не хотела видеть.

— А Нине сообщил?

Сергей резко встал и сделал шаг, но быстро взял себя в руки останавливаясь. Только голос прозвучал со злыми нотками:

— Не втягивай её.

Я усмехнулась, совсем безрадостно в ответ:

— Ты отдал ей тетрадь моей матери. Спал с ней. Лгал ей

о моём согласии. Но втягиваю её я?

— Нина не виновата.

— Откуда ты знаешь, что я считаю её виноватой?

— По твоему тону.

— Я пока не знаю, что она знала.

— Ничего она не знала.

Слишком быстрый ответ и слишком уверенный.

— Что именно она не знала?

Сергей снова понимает, что сказал лишнее и пытается вернуться:

— О твоём отношении к тетради.

— Только об этом?

— Да.

— Она знает, что ты женат?

— Конечно.

— Что ты говорил ей о нашем браке?

— Это не твоё дело.

Слова повисают между ними, и Сергей безнадежно закрывает глаза.

— Мой муж рассказывал любовнице о нашем браке. И это не моё дело, — произношу разочарованно и развожу руками.

— Я не так выразился.

— Нет. Впервые за вечер ты выразился точно.

Он обходит стол и протягивает руку.

— Лида, давай не будем принимать решения сгоряча. Мы оба не в том состоянии.

Я резко отступаю от него. Мне противно любое его прикосновение в данную секунду.

— Я в нормальном состоянии, — бросаю ему в ответ и понимаю, что уже взвинчена на нет, и пора прекращать этот бессмысленный разговор.

— Ты собираешься разрушить тридцать три года брака из-за нескольких месяцев?

— Я не знаю, сколько их было.

— Я сказал.

— И уже несколько раз соврал.

— Это была ошибка.

— Ошибка была открыть секретер. Взять тетрадь. Положить вместо неё альбом. Отнести Нине. Объяснить ей записи. Работать над книгой. Спать с ней. Вернуться домой. Слгать утром. Испугаться, когда увидел меня.

— Я не испугался.

— Ты сначала посмотрел на неё.

Сергей резко замолчал, и я поняла, что попала в точку.

— Я стояла напротив тебя, — продолжила уже увереннее.
— Ты увидел меня и первым делом посмотрел, что делает Нина. Не больно ли жене. Не что жена поняла. Ты проверил её.

— Я не помню, куда посмотрел.

— А я помню.

— И на основании взгляда ты готова перечеркнуть брак?

— Нет. На основании того, что после этого взгляда ты

признался, что спал с ней.

Сергей отвернулся.

— Хорошо. Я виноват. Довольна?

— Нет.

— Что ещё мне сделать? Встать на колени?

— Не надо.

— Тогда чего ты добиваешься?

Я посмотрела на открытый секретер, на пустую белую ткань, на книгу, в которой чужим шрифтом были напечатаны мамины слова.

Ответ оказался удивительно простым.

— Развода.

Сергей не сразу отреагировал. Вначале коротко усмехнулся, будто не верно расслышал.

— Не говори ерунды.

— Я подаю на развод.

— Из-за Нины?

— Из-за тебя.

— Лида, тебе пятьдесят пять лет. Поздно что-то начинать сначала.

— Я знаю.

— Мне пятьдесят восемь. У нас взрослая дочь, общий дом, общее имущество. Люди нас знают. Ты директор областной библиотеки. Я руковожу холдингом. Ты представляешь, какой будет скандал?

— Представляю.

— Ничего ты сейчас не представляешь.

— Возможно.

— В нашем возрасте не выбрасывают тридцать три года брака из-за одной ошибки.

— Ты называешь ошибкой то, что делал много раз. Снова и снова. Это уже называется выбор.

— Я уже сказал, что всё закончилось.

— Ты сказал «почти».

— Какая разница?

— Большая.

— Хорошо. Закончится окончательно.

— Для меня уже закончилось.

Сергей смотрел так пристально, что я заметила, как в его лице постепенно появлялось что-то новое. Это было не раскаяние, а страх.

Страх потерять привычный порядок, дом, репутацию. Возможность самому определить, когда и как изменится его жизнь.

— Ты пожалеешь, — цедит он сквозь зубы, но мне не страшно и поэтому спокойно отвечаю:

— Возможно.

— Катя нас не поймёт.

— Я сама с ней поговорю.

— Не смей настраивать дочь против меня! — рычит он в ярости на этот раз.

— Я расскажу ей правду.

— Какую правду? Что её отец один раз оступился, а мать решила уничтожить семью? — срывается его голос чуть ли не на крик.

— Я не знаю всей правды.

— Знаешь достаточно, — яростно бросает Сергей и вдруг осекается, на что я в ответ согласно киваю:

— Да. В этом ты прав. Для развода я знаю достаточно.

Резко разворачиваюсь и иду в спальню. Достая с антресоли дорожную сумку. Сергей незамедлительно следует за мной и появляется в дверях.

— Ты куда собралась?

— Сегодня переночую у Веры.

— Ты собираешься всё ей рассказывать?

— Это больше тебя не касается, — возвращаю ему, его же слова.

Открываю шкаф и быстро собираюсь. Я всегда быстро собиралась. Годы командировок научили брать только необходимое: две блузки, бельё, домашние брюки, лекарства, зарядка.

Сергей стоит у двери и уже спокойно говорит:

— Ты сейчас уйдёшь, завтра выпишься, потом мы поговорим нормально.

— Завтра я позвоню адвокату.

— Прекрати повторять.

— Я хочу, чтобы ты услышал.

— Я услышал. Просто не верю, что ты способна на такую

глупость.

Снимаю с вешалки тёплую кофту, и отвечаю ему даже не оборачиваясь:

— Я тоже много лет не верила, что ты способен на то, что сделал.

Сергей хмурится так, будто не воспринимает мои слова всерьёз. Он слишком хорошо меня знает. Я всегда ему доверяла и многое могла простить.

Измену... можно простить, понять...

Только, не предательство!

— Лида... ты не можешь вот так просто взять и уйти. Одной ошибки недостаточно, чтобы всё рушить.

— Мне сегодня достаточно одной строчки. Одного взгляда. Одной пустой ткани в секретере. Остальное я узнаю позже.

Беру сумку и направляюсь к выходу, но Сергей перегораживает выход.

— Не делай этого.

— Отойди.

— Мы должны поговорить.

— Мы поговорили.

— Ты даже не дала мне объяснить.

— Ты объяснял весь вечер.

— Ты слышала только то, что хотела.

— Нет, Сергей. Я как раз услышала то, что ты не хотел говорить.

Он не двигается, лишь крепче сжимает телефон, который не к месту начинает вибрировать без умолку, и он не сбрасывает звонок. А я смотрю на человека, с которым прожила тридцать три года, но так и не узнала, какой он на самом деле. Я ведь его любила все эти годы. И думала он также отвечал мне взаимностью. А теперь понимаю, что там, за чёрным экраном, его ждёт другая женщина.

— Отойди, — холодно повторяю я.

На этот раз он посторонился.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — сдерживая ярость бросает он мне в спину.

— Возможно. Зато теперь понимаю, что делал ты, — отвечаю ему в тон, не оборачиваясь и открываю дверь.

— Лида... — слышу его поникший голос перед уходом и оборачиваюсь, силюсь не делать этого, чтобы не смотреть, пока еще есть силы поставить точку.

Но всё-таки смотрю.

Сергей стоит посреди прихожей. Без пиджака, с телефоном в руке, растерянный и почти постаревший. На мгновение становится так больно, что хочется закрыть глаза. Хочется, чтобы это оказалось лишь страшным сном.

Не из-за сегодняшнего Сергея, который стоит в эту минуту напротив меня. А из-за того мужчины, которым считала еще утром, самым родным и близким.

Только он внезапно собирается, словно перезагрузился мгновенно и как-то зло бросает:

— Поздно, слышишь! Поздно начинать что-то заново. Кому ты нужна Лида, в пятьдесят пять?!

Я вновь улыбнулась с разочарованием и лишь ответила перед тем, как закрыть дверь:

— Не тебе решать! Ты уже свой выбор сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.